

УДК 93/94

М.Б.Свердлов**ВОЗНИКНОВЕНИЕ НОВГОРОДА И ЕГО МЕСТО В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ
ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ***Санкт-Петербургский институт истории РАН*

The article deals with the problem of the rise of Novgorod during the formation of Russian state in the continuity of its economic, political and ideological contents to towns Ladoga and «Rjuricovo gorodishche (the settlement-fort)» in the IX–Xth centuries. The author analyses the special importance of Novgorod in the history of Russian state in the period of its political unity in the middle of the Xth — the first third of the XIIth c. and the importance of Novgorod with its republic institutes in the political system of the so called «Russkaja zemlja (territory)» in the second third of the XIIth — the XIIIth c.

Новгород является одной из постоянных тем исторических разысканий. В этом исследовательском процессе можно отметить две основных тенденции. До 50-х годов XX в. история Новгорода изучалась преимущественно в общерусском контексте. После выдающихся археологических открытий во второй половине этого столетия она начала исследоваться как особая тема с привлечением все более расширяющегося круга исторических источников, преимущественно археологических и открытых во время раскопок берестяных грамот.

В XI — XII вв. существовало представление о Руси как общерусском пространстве, включавшем северо-запад Восточной Европы. В историко-географической вводной части Повести временных лет (далее — ПВЛ), наиболее обоснованно датированной 1113 или 1116 г., оно обозначено в едином европейском географическом пространстве, включавшем Восточную Европу [1]. Как показали наблюдения Д.С.Лихачева, для Русского государства существовало обобщающее название — «Русская земля» [2]. Хороним и политоним «Русь», «Русская земля» использованы в

аутентичных текстах русско-византийских договоров 911 и 944 гг. С начала XI в. в западных странах Русь называлась в латиноязычных памятниках обобщающим хоронимом — *Ruscia, Ruzzia, Ruzia, Rucia*.

Хотя на Руси со второй половины XI в. происходили процессы дезинтеграции политически единого государства, но понятие «Русская земля» как обобщающее название единого политического пространства сохранялось. Сохранялось и этнокультурное единство Русской земли в многообразии ее местных традиций и диалектических особенностей.

Новгород как «новый город» возник в результате длительных и сложных в своем содержании предшествующих процессов формирования этого единого общерусского общественно-политического и этнокультурного пространства.

Расселение славянских племен в Приильменье происходило в VI — VII вв. в зоне бытования финно-угорских племен, так что этот регион Восточной Европы стал зоной славяно-финского этнокультурного синтеза [3], в который в середине VIII в. включились скандинавы.

Около 750 г. в стратегически важном месте на Волховских порогах появился древнейший город Северо-Запада Восточной Европы Ладога [4], которая стала центром славяно-финно-скандинавского этнокультурного взаимодействия. Около 800 г. торгово-ремесленное и военное значение Ладоги возросло еще более, когда образовался торговый путь по рекам Восточной Европы — Балтийско-Днепровско-Черноморский. Его северная часть включала также и Волхов. Таким образом, на обоих великих торговых путях Ладога имела ключевое значение.

В IX — XI вв. страны и народы Северного и Балтийского морей от Британских островов до Волхова представляли собой пространство, соединенное постоянными торговыми, военными, политическими и династическими связями. Ладога и славянские племенные княжения северо-запада Восточной Европы были органично включены в эту обширную зону этнокультурных контактов, что способствовало их активному саморазвитию.

Поток серебра по Балтийско-Волжско-Каспийскому пути привлек внимание викингов, судя по находкам кладов арабского серебра прежде всего шведов, экспансия которых в отличие от датчан и норвежцев была направлена преимущественно на восток. Как сообщается в историческом предании, записанном в древнейших летописных сводах, Начальном своде в составе Новгородской первой летописи (далее — НПЛ) и ПВЛ, варяги «изъ заморья» начали взимать с этого межплеменного союза дань, что, вероятно, произошло с началом широкой активности викингов в первой половине IX в. Представляется исторически достоверным и другое сообщение этого предания — о восстании около 860 г. словен, кривичей и мери против варягов. Они прогнали варягов «за море», но затем последовали взаимные распри — «въста родъ на родъ».

В особых обстоятельствах угрозы викингов около 860 г. словене и кривичи избрали князем хорошо известного в Северной Европе этого времени

фрисландского и ютландского конунга Рёрика, который, как следует из древнейшего по содержанию предания, поселился в Ладоге. Избрание князем Рюрика являлось удачным политическим решением [5]: он был опытным политическим деятелем, но вместе с тем не был свеем, то есть не принадлежал к варягам, которые ранее взимали дань со словен, кривичей и мери. В Ладоге он выполнял необходимые для местного населения функции формирующейся государственности — управления и защиты от нападений викингов.

Ладога как экономический и военно-политический центр, где находился двор князя, княжеский стол — символ княжеской власти, была открыта для внезапных нападений со стороны Балтийского моря, Невы и Ладожского озера. Поэтому, вероятно, уже Рюрик перенес свой двор-резиденцию в исток Волхова, построив на ранее существовавшем поселении укрепления, превратив его в *город* (в прямом значении слова «поселение, огороженное оборонительными сооружениями») — ныне так называемое Рюриково городище [6]. Перенос Рюриком политического центра из Ладоги на Рюриково городище свидетельствует об изменении основного направления его социальной и военно-политической активности с Балтики на славянские и финно-угорские регионы Восточной Европы.

Данное государственное образование, этнокультурную основу которого составляли восточно-славянские племенные княжения, было в Восточной Европе IX в. не единственным. К первой половине этого столетия относится формирование в Среднем Поднепровье государственного образования, этнокультурную основу которого составляли поляне, но в процессе образования которого участвовали также и скандинавы. Их князь имел титул «каган», что являлось вызовом Хазарскому каганату [7]. После короткого периода подчинения этого государственного образования хазарам оно вернуло себе независимость.

Между тем, как следует из достоверной, по нашему мнению, версии событий ПВЛ в составе Лаврентьевской летописи, родственник Рюрика Олег, воспитатель его сына, малолетнего Игоря, на десятилетия отстранил его от власти. Олег оказался талантливым политиком и военным деятелем. Он распространил военно-политическую активность по основным торговым путям Восточной Европы, подчинив своей власти «смоленских» кривичей и земли по верховьям Западной Двины и Днепра, территории по средней Волге до зоны славяно-мерянского расселения с центром в Ростове. Вероятно, ко времени князей Рюрика и Олега относится дальнейшее развитие государственной организации. Появился институт мужей-посадников, которые распространяли княжескую административно-судебную власть в сельской местности, что имело следствием появление волостей. Вследствие такого происхождения волости имели первоначально не социально-экономическое значение, а административные, политические и военные функции.

Таким образом, молодое государство с политическим центром на Рюриковом городище обладало

основными государственными институтами раннего средневековья — княжеской династией Рюриковичей, формирующейся системой территориального управления, вероятно, внутренних податей, торговых и проездных пошлин, судебных штрафов, княжеского войска. Оно контролировало основные транзитные торговые пути Восточной Европы. Вследствие всего этого оно имело экономическое и военно-политическое превосходство над упомянутым выше государственным образованием в Среднем Поднепровье с центром в Киеве. В предстоящем столкновении с княжеством Олега оно было обречено, что и произошло по летописной хронологии около 882 г., когда оно было завоевано.

После перенесения Олегом княжеского стола в Киев и тем самым превращения его в стольный город функции Ладоги остались прежними как военного и торгово-ремесленного центра в стратегически важном месте контроля и обслуживания волховских порогов великих Балтийско-Волжско-Каспийского и Балтийско-Днепровско-Черноморского транзитных торговых путей. Но значение Рюрикова городища как военно-политического центра существенно снизилось. Оно превратилось в место резиденции князя-наместника или княжого мужа — посадника.

Таким образом, к концу IX в. Северо-Запад Восточной Европы прошел уже долгий путь экономического, социального, политического, идеологического развития, образовалось Русское государство со значительными возможностями дальнейшей эволюции. Однако, Новгород, судя по древнейшим археологическим слоям этого столетия, еще не появился или только начал формироваться в конце IX в. как поселение. Его возникновение происходило в условиях уже существующего и функционирующего Русского государства.

В продолжение исследований В.Л.Янина, М.Х.Алешковского, Е.Н.Носова можно предположить, что Новгород возник как неукрепленное торговое и ремесленное поселение на его современном месте на экономической основе заселенного восточными славянами Северного Приильмья [8]. К этому наблюдению можно добавить, что начальный процесс его становления происходил еще в период активного функционирования Рюрикова городища как по преимуществу военно-политического центра. Т.е. начальной функцией возникающего Новгорода являлась социально-экономическая. С уменьшением значения Рюрикова городища после перенесения княжеской резиденции в Киев экономическая функция расположенного от него в двух верстах торгово-ремесленного еще безымянного поселения стала все более возрастать. По мере его развития в первой половине X в. становилась очевидной необходимость его защиты оборонительными сооружениями. Когда они были возведены в киевское княжение Олега или, более вероятно, Игоря, они стали называться «городъ новъ» → «Новъгородъ» или «Новый город».

Можно предположить, что в Новгород — ныне значимый в экономическом и социальном отношении город, который приобрел также военное значение, защищенный новыми оборонительными сооружения-

ми — был переведен княжеский двор, резиденция князя-наместника. Совершенно очевидно, что юный тогда Святослав не управлял самостоятельно. Управление осуществляли доверенные люди Игоря, княжие мужи. Однако Святослав являлся символом великокняжеской власти в Новгороде. Отсюда можно заключить, что к середине X в. Новгород наряду с Киевом приобрел политическое и идеологическое значение как символ единства политического пространства Русского государства и реального контроля над Балтийско-Днепровско-Черноморским путем от северных пределов Руси до южных. И в этих функциях наряду с торгово-ремесленной и административной Новгород стал преемником Ладоги и Рюрикова городища, приобретая в них особое значение княжеского центра управления северо-западными и северными регионами политически единого Русского государства, становясь необходимой составной частью экономической, политической и историко-идеологической оси Русского государства X — XI вв. Киев — Новгород. Такое место и значение Новгорода в системе политически единого Русского государства предопределили его судьбу до второй трети XII в. Она отражала как общие тенденции в эволюции Русского государства со стольным городом Киевом, так и все более возрастающую социально-экономическую и идейно-политическую активность Новгорода.

В ПВЛ указана деятельность княгини Ольги в ее регентство по укреплению русской государственности на Северо-Западе по рекам Мста и Луга. В этих контактных зонах расселения восточных славян и финно-угорских племен необходимо было урегулировать государственные подати, дани и оброки, распространить там систему погостов как составную часть общерусской реформы введения территориального деления по волостям и погостам.

Во время династического кризиса, последовавшего в Русском государстве после гибели Святослава Игоревича в 972 г., Новгород приобрел особое значение. В это время Ярополк княжил в Киеве, Олег — в Древлянской земле, Владимир — в Новгороде. Как отметил еще А.Е.Пресняков, при жизни Святослава его сыновья способствовали подчинению подвластных территорий киевскому князю [9]. После гибели отца каждый из них оказался правителем обширных владений. Столкновение между Святославичами было неизбежно. Но определяющей причиной в нем оказалось не противостояние князей хорошего и плохого, доброго или злого, а необходимость восстановления политического единства, разорванной оси Киев — Новгород в ее экономическом, политическом и историко-идеологическом содержании. Так что или Ярополк, или Владимир должен был погибнуть. Экономический и военно-политический потенциал Новгорода оказался более значительным, чем у истощенного постоянными войнами Святослава юга Руси. Он обеспечил победу Владимира.

Та же ситуация повторилась во время династического кризиса 1014 — 1019 гг., который начался восстанием сына Владимира Ярослава в Новгороде и заговором его племянника-пасынка Святополка Ярополковича. Основным содержанием восстания в Нов-

городе, вероятно, являлся протест против чрезвычайно высоких ежегодных податей в Киев. Ярослав восстал против власти отца, видимо, под давлением новгородцев. Но после неожиданной смерти Владимира Святославича в 1015 г. началось противостояние Ярослава Владимировича и Святополка Ярополковича, поскольку Святополк стремился к восстановлению своего права на единовластие как представителя старшей княжеской ветви Святославичей. Материальной основой, которая должна была привести к гибели одного из них, стало прекращение функционирования оси Киев — Новгород. И вновь более мощный экономический потенциал Новгорода сыграл решающую роль в исходе борьбы.

Ярослав учел предшествующий опыт существования Новгорода в составе политически единого Русского государства и, уже находясь в Киеве, сажал в нем своих старших здравствующих сыновей — Илью, Владимира, Изяслава. Можно предположить, что новгородский опыт был также источником идей в его практике киевского князя. Вероятно, когда Ярослав вокняжился в Киеве в первый раз зимой 1015/1016 гг., он начал утверждать там новгородский княжеский культ св. Софии (в Новгороде существовал прекрасный храм св. Софии, «13 верхи имущее», сгоревший в 1049 г.), вопреки сложившемуся к тому времени в Киеве культу Пресвятой Богородицы. Ярослав построил в Киеве в 1016 – первой половине 1018 гг., видимо, деревянный храм св. Софии.

После того как в 1036 г. Ярослав стал «единовластцем» в Русской земле, он смог приступить к комплексной застройке Киева, принимая за образец Константинополь с его значительной идеологической нагрузкой. В числе знаковых константинопольских сооружений была учтена и св. София. Так что в Киеве Ярослав соединил ранее утверждаемый культ св. Софии в Новгороде и символическое значение главного храма Византийской империи. Позднее по явном единому плану Ярослава были построены также как символы великокняжеской власти каменные храмы св. Софии в Новгороде и вскоре после смерти князя — в Полоцке. Они были возведены в центральных городах земель, которые нуждались в особом контроле.

Ярослав Мудрый в полной мере осознавал особое значение оси Киев — Новгород. Поэтому в «ряде» завещании, в котором Ярослав перед смертью разделил между сыновьями обширные земли Руси на наследственные владения — «отчины», он впервые «дал» своему старшему сыну Изяславу и Киев, и Новгород. Поскольку столь важный во всех значениях центр, как Новгород, не мог быть без князя-наместника, Изяслав посадил в нем юного сына Мстислава, который, как некогда Святослав Игоревич, являлся символом великокняжеской власти при реальном правлении сопровождавших его княжих мужей.

С началом распрей Ярославичей в 1068 г. и появлением князей-изгоев порядок посажения в Новгороде сына киевского князя нарушался, но неизменно восстанавливался до первой трети XII в.

Между тем наряду с этой традиционностью княжеской власти в конце XI — XIII вв., как показали

исследования В.Л.Янина, формировалась новая структура политической власти. Появились посадничество как новгородский выборный институт управления, смесной суд князя и посадника, институт тиунов и т. д. [10]. Заметно возросла активность новгородцев в призвании князя. Так что восстание новгородцев против Всеволода Мстиславича в 1136 г. стало закономерным следствием предшествующего социально-экономического и идейно-политического развития Новгорода.

Процесс становления Новгородской республики происходил одновременно, но несколько запаздывая, с общерусским процессом политической раздробленности единого Русского государства. На всем пространстве Русской земли после смерти Ярослава Мудрого происходил процесс образования «отчинных» княжеств, в которых местные княжеские династии наследовали власть по праву «отчины» — наследования верховной земельной собственности и власти по отцу. В Новгородской земле, напротив, происходил процесс формирования республиканских институтов верховных магистратов.

Во второй половине XII в. в Русской земле образовались две системы великих княжений — великого княжения Киевского и великого княжения Владимирского. В первом велась постоянная борьба за великокняжеский стол между местными династиями южнорусских, юго-западных и Смоленского княжеств. Во втором, созданном Андреем Боголюбским, верховная власть наследовалась его братом, Всеволодом Большое Гнездо, и его потомками. В конце XII — первой трети XIII вв. начала формироваться еще одна система — Галицко-Волынского княжества, создававшаяся галицко-волынским князем Романом Мстиславичем и его сыновьями Даниилом и Василько. Но отношения с Новгородом имели для этих великокняжеских систем разное содержание. Для южнорусских и смоленских князей они сохраняли значение исторической традиции, являлись средством политического соперничества с могущественными северо-восточными князьями, тогда как для Новгорода — возможностью альтернативы великим князьям Владимирским. Великому княжению Владимирскому Новгород обеспечивал постоянные торговые и культурные связи со странами Балтийского региона. Но и Новгородская республика без военно-политической поддержки князей не могла выдержать все возраставший натиск своих противников.

Таким образом, на разных стадиях истории Русского государства — и в период его политического единства в содержательно различающиеся этапы X — первой половины XI вв., второй половины XI — первой трети XII вв., и в период его политической раздробленности второй трети XII — первой трети XIII вв. — Новгород был постоянно органично включен в его систему. Если в первый период Новгород являлся составной частью единой экономической, политической, культурно-идеологической и церковной структуры, то во второй период Новгород и Новгородская земля стали автономной составляющей в макросистеме Русской земли. В ее составе княжества и Новгородская

боярская республика постоянно взаимодействовали друг с другом, находясь в разной степени взаимозависимости. Но военно-политическая поддержка «низовских» князей была необходима Новгороду для укрепления его обороноспособности.

1. Повесть временных лет / Подг. текста, перевод, статьи и комм. Д.С.Лихачева. СПб., 1996. С.144-145.
2. Лихачев Д.С. Прошлое — будущему. Л., 1985. С.354-356. См. продолжение этих наблюдений: Ведюшкина И.В. «Русь» и «Русская земля» в Повести временных лет и летописных статьях второй трети XII — первой трети XIII вв. // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 1992 — 1993 годы. М., 1995. С.101-116.
3. Седов В.В. Происхождение славян и местонахождение их прародины. Расселение славян в V—VII вв. // Очерки истории культуры славян. М., 1996. С.15-115; См. критический историографический анализ: Конецкий В.Я. Славянская колонизация Северо-Запада в отечественной исторической и археологической литературе // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып.12. Новгород, 1998. С.226-241.

4. Кирпичников А.Н. Новые историко-археологические исследования Старой Ладogi // Ладога и истоки российской государственности и культуры. СПб., 2003. С.17-22.
5. Кирпичников А.Н. «Сказание о призвании варягов»: Анализ и возможности источника // Первые скандинавские чтения: Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 1997. С.7-18.
6. Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990. 214 с.
7. Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962. С.131. Историографию проблемы см.: Коновалова И.Г. О возможных источниках заимствования титула «каган» в Древней Руси // Славяне и их соседи. Вып.10: Славяне и кочевой мир. М., 2001. С.108-135.
8. Носов Е.Н. Новгород и новгородская округа IX — X вв. в свете новейших археологических данных. (К вопросу о возникновении Новгорода) // Новг. ист. сб. Вып.2(12). Новгород, 1984. С.3-38. Он же. Проблема происхождения первых городов Северной Руси // Древности Северо-Запада России. (Славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики). СПб., 1993. С.59-78.
9. Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси: Очерки по истории X — XII столетий. Лекции по русской истории: Киевская Русь / Подг. текста, статьи и примеч. М.Б.Свердлова. М., 1993. С.30.
10. Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977. С.22-39.